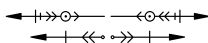

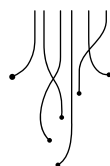

Лариса
Петровичева

**МУЗЫКА
МЕРТВЫХ**

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П30

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *А. Флер*

Петровичева, Лариса Константиновна.
П30 Музыка мертвых / Лариса Петровичева. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-164759-9

Два года назад в столице девушка убила своих родителей, которые запрещали ей заниматься музыкой. Такие преступления всегда интересовали доктора Вернона, ссыльного врача. И будто по заказу зима приводит в провинциальный Эверфорт серийного убийцу. Доктор начинает расследование, но пока у него есть только вопросы: проститутка, редактор газеты, разносчица пирогов – неужели между ними есть связь? И что соединяет их со столичным преступлением? Возможно, ответы на них знает великий музыкант и композитор Эрик Штольц – который совсем не тот, кем кажется.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Петровичева Л.К., текст, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022
ISBN 978-5-04-164759-9

Глава 1

АНАТОМ И КОМПОЗИТОР

— Девки-то мои совсем с ума свихнулись.

Бургомистр Говард потянулся к аппетитно запотевшему графинчику перцовой водки и с удовольствием наполнил рюмки. Август Вернон, который откинулся в кресле, отдыхая после сытного второго блюда, одобрительно качнул головой. Перцовка бургомистра была такой, что душу за нее заложишь.

Они приятельствовали много лет — их дружба зародилась почти сразу же, как только Августа сослали в эти угрюмые северные края. Казалось бы, что общего может быть у ссыльного революционера и бургомистра? Если бы Августу сказали, что однажды он, вольнодумец и бунтарь, подружится с чиновником, которому по должности положено быть верным псом короны, то он бы только покрутил пальцем у виска.

А вот ведь, подружились. Обедают вместе, водочку пьют. Вот что делает с людьми провинциальная скука. Сводит и соединяет тех, у кого вроде бы нет ничего общего.

— С чего бы? — любопытствовал Август. Говард устало вздохнул.

— Ну, я же тебе рассказывал. В наши края приезжает Эрик Штольц.

— О да! — воскликнул Август. — Девушки на него падки, я слышал. Надеются, что он поиграет с ними так же, как на своем рояле. Умелые пальцы — это профессиональное.

Говард покосился на него с неудовольствием.

— Я ему, знаешь ли, все пальцы тогда переломаю, если что случится. И засуну, куда солнышко не смотрит, — хмуро пообещал он и тотчас же добавил с искренним уважением: — Виртуоз! Гений, какого не знавал белый свет! И в нашем захолустье, представляешь?

Август представлял. Эверфорт был типичным провинциальным городком: медведь на гербе, медведи иногда заходят в город из лесов, и люди тоже похожи на медведей. Он понимал, почему бургомистр поспешил завести дружбу с каторжником: Август повидал свет и людей, многое знал и мог развеять ту скуку, которая, кажется, тут пластами лежала.

Эрик Штольц был великим музыкантом и композитором. Молодой, чуть старше двадцати, он произвел фурор во всех странах. Гениальная игра на рояле, невероятная по красоте и силе музыка, признание слушателей и искренняя любовь во всех слоях общества, от коронованных особ до простолюдинов — и теперь такой человек едет в Эверфорт. Не просто ради концерта, а жить.

Чудны дела Господни. Или гений просто с жиру бесится?

— И девки мои чокнулись на радостях, — продолжал бургомистр, накладывая на тарелку Августа белые и розовые пласты соленой рыбы. Он не признавал быстрого завершения обеда: есть следовало так, чтоб потом не мочь шевельнуться и дышать через раз. — Гоняют модисток, заказали новые платья, весь дом пропах какой-то дрянью для волос. Не дом стал, а модная лавка, прости Господи! Надеются, что он их увидит, таких красавиц. И не ослепнет от ихней прелести. А как их, спрашивается, не увидеть, мы в первом ряду сидим.

Насчет красоты своих дочерей Говард не обольщался: все три девицы пошли в папашу и были похожи на молодых медведиц. Круглые лица, словно нарисованные по циркулю, крепкий таз, ноги-колонны и гренадерский рост — единственным привлекательным в девушках были густые русые волосы до колен. Самый «соблазн» для столичного виртуоза, к которому, по слухам, принцессы и герцогини становились в очередь и оставались довольны.

— Да, у него много поклонниц, — уклончиво ответил Август. — Я слышал, ему одна даже бросила панталоны на сцену. Охрана потом ее еле оттащила, так и прыгала.

Говард охнул и закрыл лицо ладонями, покачивая головой от бесстыжести современных нравов. Да, столичное обращение было ему в новинку. Как говаривал один из водевильных героев: «Деревня, не поймет-с»!

— Если мои что-то такое отчебучат, поубиваю, — сурово пообещал бургомистр и реши-

тельно опрокинул стопку. — Ты подумай только, спят с его дагерротипами! Купили в книжном, в рамочку — и под подушечку. Все трое. Говорю же, свихнулись. Говорю им: вы на себя-то посмотрите, дуры! Куда вам с вашими физиономиями до столичной особы! До такой особы! Да он принцессами и королевнами не соблазнился, а на вас прямо бросится!

Да, Говард всеми силами развивал в своих детях критическое мышление, правда, Август имел основания полагать, что это должно работать как-то иначе.

— Так что жду концерта, — вздохнул Говард и с каким-то детским мечтательным теплом добавил: — Надо же, такой человек и в нашем медвежьем углу! Прямо не верится, что увижу.

Август понимающе кивнул. Бургомистр был человеком очень простым, практически примитивным, но перед наукой и культурой испытывал чуть ли не религиозное уважение и трепет. Именно его стараниями в Эверфорте возникли две школы, библиотека и колледж богословия, да и книжный магазин в центре города не пустовал — еще одна причина, по которой Август относился к своему другу с искренним теплом.

— Такие, как он, не видят ничего, кроме рояля, — заверил его Август. — Все наше земное копошение им так — тьфу.

Говард недоверчиво посмотрел на него и заинтересовался:

— Что, даже насчет водочки ни-ни? Ни раза, ни полраза? Только музыка?

Август ухмыльнулся. Профессиональная возня с человеческой подноготной в прямом смысле слова сделала его циником и дрянью.

— Ну, ты на святое-то не покушайся, — хмыкнул он. — Водочку люди культуры очень уважают. Вскрывал я как-то одного поэта — так там печень была больше медвежьей. А ведь как писал, как писал! Ему тоже панталоны бросали, когда он выступал.

— Вот и слава богу, — вздохнул Говард с видимым облегчением и спросил: — А тебя, я вижу, музыка не сильно привлекает?

Август неопределенно пожал плечами.

— Два года назад, — сказал он, — в столице одна девушка убила и расчленила своих родителей. Сама — в бега. За то, что они запретили ей музицировать и велели не маяться дурью, а выходить замуж. Вот такая музыка мне интересна. Вернее, что творится в голове у таких музыкантов.

Говард развел руками.

— А может, это не она убила? — предположил он и, пожившись, признался: — Я вот не представляю, как можно мамку с батькой убить да потом на куски крошить. А тут еще и девушка... Может, кто другой убил, а на нее свалили?

Август усмехнулся. Его друг стремился видеть в людях только хорошее — поэтому они и подружились. Мало кто мог разглядеть человека в ссыльном каторжнике, а вот Говард разглядел и не пожалел об этом.

— Свидетели говорят, они каждый день скандалили. И однажды она сказала, что поубивала бы их всех за музыку.

Говард отмахнулся.

— Да ну. Мало ли что в скандале-то скажешь? Моя-то вон, бывает, кричит, что всю шерсть мне повырывает, ну и что? Тридцать лет живем, как голуби. А двоих взрослых убить — тут все-таки мужская сила нужна, я полагаю. Лепят девке убийство, да может, ее самой в живых уже нет.

Август усмехнулся.

— В общем, вот она, сфера моих интересов. Это захватывает намного сильнее музыки.

Говард посмотрел на него с каким-то отцовским пониманием. Дескать, ну такой вот сын уродился, ничего не поделаешь уже. Будем жить с тем, что есть.

— Но на концерт его ты придешь? — спросил он. — Завтра, помнишь?

— Приду, — ответил Август. — Скуку надо как-то убивать, а это отличное оружие.

Он не стал рассказывать бургомистру о том, что девушка, убившая родителей за музыку, была родной сестрой великого Эрика Штольца. Скандал вышел страшный, его замяли только при участии высоких особ и больших денег, так что не стоило раздувать все это заново.

Штолец приехал в Эверфорт вечером следующего дня: поезд сделал вынужденную остановку в пути, и звезда отправилась в музыкальный зал при библиотеке прямо с вокзала. Здесь столпилась чуть ли не весь город. Даже те, кому сроду не было дела до музыки, пришли посмотреть на человека, которого обожал весь мир. Все подходы к библиотеке были запружены народом, и Август

подумал, что никогда не видел столько красивых девушек сразу. Девицы штурмовали двери, и от их восторженных улыбок, духов и цветов, столь редких на севере среди зимы, начинала кружиться голова. Кто-то экзальтированно готовился упасть в обморок, а семеро полицейских — все отделение Эверфорта, понятия не имели, как им следить за порядком. Во всяком случае, вид у них был весьма оторопелый.

В фойе развернулась бойкая торговля дагерротипами и открытками, и девицы радостно открывали кошельки и вынимали монеты, чтоб потом класть под подушку портрет своего кумира с автографом. Август поднялся по лестнице к музыкальному залу, мельком посмотрел на себя в высокое мутное зеркало в тяжелой бронзовой раме и вспомнил, что в последний раз был на таком концерте еще в столице, до восстания и своей ссылки. Господи, сколько же лет назад это было? Тогда он был преуспевающим доктором, тогда он был молод, энергичен и верил в то, что может сделать мир счастливым и свободным. Стоит только протянуть руку и шагнуть вперед — и все получится. У тебя будет все, о чем ты мечтаешь.

Теперь ему тридцать восемь, он живет в глухомани, ни о чем не мечтает, и спина, когда-то исхлестанная шпицрутенами, болит в непогоду. Девушка, в которую Август был влюблен, оставила его сразу же после поражения мятежников, не желая иметь ничего общего с врагами государства — с тех пор он не любил. Походов в «Зеленый огонек» два раза в неделю было вполне до-

статочно для плоти, а свою душу он давно считал мертвой. Август усмехнулся своему отражению и прошел в зал.

У него было место во втором ряду. Устроившись в кресле, Август посмотрел по сторонам и пожалел о фляге с ромом, оставленной во внутреннем кармане пальто. Семейство бургомистра с шумом размещалось в первом ряду: Говард вчитывался в программу концерта на плотном белоснежном листе, почесывая проплешины и качая головой; госпожа Хелен, мать семейства, никак не могла устроиться в кресле так, чтоб не мять платье; три девицы-грации восторженно щебетали, едва не падая в обморок от предвкушения, а их братья выглядели важными и хмурыми, осознавая всю ценность события.

От запаха цветов и духов у Августа начала кружиться голова. Он откинулся на спинку своего кресла и устало прикрыл глаза. Возможно, стоило остаться дома или пойти в «Зеленый огонек». Хотя... Он обернулся на галерку: все работницы борделя были здесь, толпились разноцветной стайкой райских птичек — разодетые по последней моде, причесанные и с фальшивыми бриллиантами на шеях и пальцах. Хозяйка «Огонька» либо радела за культуру, либо показала товар лицом для столичной штучки.

«На что ему твои шлюхи, — мрачно подумал Август, глядя, как госпожа Аверн обмахивается веером, бросая оценивающие взгляды на своих пташек и кокетливые — на господ. — Он едва не женился на принцессе Кэтрин».

Откуда-то послышался тонкий звук — словно звякнул и умолк колокольчик. В зале тотчас же воцарилась торжественная тишина — у Августа мелькнула неуместная мысль, что зал сделался похожим на склеп. Даже бургомистровы дочери-медведицы прекратили возню.

Штольц вышел к роялю быстрым энергичным шагом, почти бегом. Чуть выше среднего роста, очень стройный, с кудрявыми каштановыми волосами до плеч, он показался Августу кем-то вроде сказочного эльфа. Зал дружно ахнул, а затем разразился такими аплодисментами, что у Августа заложило уши. Он недовольно сморщился и снова вспомнил о своей фляге — в такие-то моменты она и нужна.

Поклонившись, Штольц сел на рояль и, опустив пальцы на клавиши, несколько мгновений сидел просто так, словно пытался понять, куда это его занесло и что он должен делать. Августу показалось, что зрители даже дышать перестали, боясь спугнуть то чудо, которое сейчас начало зарождаться у них на глазах.

Первые аккорды были осторожными — Штольц будто бы прокладывал путь в ту страну, которую видел он один, и боялся сделать неверный шаг. Но постепенно мелодия, такая робкая, воздушная и трепетная сначала, наполнялась силой и властью, обретая насыщенное и густое звучание. Если сперва это была мартовская капель, то вскоре она стала грохотом водопада — она обняла и повела туда, где каждый человек был счастливым и хорошим, в солнечный день, в юность, к любви и свету.

Не было ни зала, ни людей, ни рояля, не было даже Штольца, который играл с закрытыми глазами, погрузившись в некое подобие транса, — была только музыка и слушатель, и музыка заняла собой весь мир. Не осталось ни печали, ни горя — ничего, кроме музыки и слабого, растерянного человека, которого она поднимала до недостижимой, почти божественной высоты.

Август неожиданно понял, что плачет. Он запрокинул голову, закрыл глаза ладонью — на мгновение ему сделалось невыносимо стыдно от того, что кто-то увидит его слезы. Он вдруг сделался одновременно несчастным и счастливым, потому что музыка открыла все раны его души, вычистила скопившийся яд и исцелила их.

Ноктюрн закончился, но рояль еще звучал последними отголосками нот, и слушатели в зале не могли пошевелиться. Потом кто-то на галерке вскочил и заорал во все горло слезливым срывающимся голосом:

— Bravo! Bravo! — и зал накрыло волной аплодисментов. Август поднялся вместе с остальными — все были взволнованы, никто не мог усидеть на месте. Штолец встал из-за рояля, шагнул к зрителям, поклонился, махнув растрепанной копной волос, и улыбнулся какой-то растерянной, почти детской улыбкой. Какая-то девица уже бросилась к нему, заливаясь слезами, — полицейские, которых бургомистр благоразумно расставил по залу как раз для такого случая, не успели ее придержать, и девица на радостях едва не снесла Штольца своим букетом.

Август опустился в кресло, не чувствуя ног. Неудивительно, что Штольца обожал весь мир, государи жаловали титулы, а дочери семейств бросали дома и ездили за своим кумиром на гастроли. Эта музыка брала в плен, овладевала душой и телом, эта музыка звучала из самых потаенных глубин, делая человека настолько открытым, что становилось страшно.

Это было сильнее магии и любви. Август провел ладонями по лицу, пытаясь опомниться. Надо было взять себя в руки, он, в конце концов, не курсистка, которая бросает звезде панталончики. Второй ноктюрн Август слушал уже спокойнее — легкая и грустная мелодия была посвящена принцессе Кэтрин, об этом соседка Августа шепнула своей приятельнице, осторожно промакивая глаза кружевным платочком.

«Прекрасный способ остаться в веках, — подумал Август. — Главное, чтоб тебя полюбил гений. Потому что создавать такое без любви — нет, невозможно».

Без любви можно только уничтожить. Те, кто когда-то бросил Августа и его товарищей в горнило мятежа, прекрасно это понимали. Жаль, что сам Август осознал это гораздо позже, когда лежал в госпитале, изувеченный проходом сквозь строй, тихонько выл от боли, пожиравшей его тело, и не понимал, что еще держит его в этом мире.

Возможно, это была музыка, которой только предстояло зазвучать. Возможно, Август выжил для того, чтоб однажды услышать игру Эрика Штольца.

* * *

Концерт закончился через полтора часа, и еще час Штольц раздавал автографы восторженным поклонницам. Проходя мимо девичьей толпы, окружившей Штольца облаком цветов, духов и любви, граничившей с безумием, Август услышал:

— Эрик, а у вас есть невеста?

До Августа донесся мягкий смех.

— Нет. У меня есть только музыка, это главная моя любовь.

Август только хмыкнул. Ну конечно. Самые лучшие девушки Хаомы вешаются на шею, а он выбирает только музыку. Врал бы поизящнее, что ли, раз уж взялся врать.

Большой ужин в честь высокого гостя в доме бургомистра начали ровно в девять вечера. Говард превзошел самого себя — усаживаясь за стол, Август поразился количеству блюд. Рыба, мясо, свежие фрукты, которые зимой на севере стоили целое состояние, лучшие вина — бургомистр выставил все, что в изобилии скрывали его погреба. Когда они входили в большую столовую, то Говард придержал Августа за локоть и негромко произнес:

— Я нашего гостя посажу между тобой и собой. А то боюсь, девки мои его живым не выпустят. Очень уж решительно настроены, даже страшно.

Август понимающе кивнул. Судя по румянцу и горящим глазам, прекрасные девы были готовы на все. Пожалуй, их подруги, которым не повезло

ужинать с великим музыкантом, сейчас умирают от зависти.

И теперь Штольц сидел рядом с Августом, задумчиво крутил серебряную вилку в изящных длинных пальцах и смотрел по сторонам с таким смущенным видом, словно не понимал, как попал на ужин в свою честь, когда только что был в стране своей музыки. Сейчас, когда Штольц был совсем близко, Август видел, что молодой композитор очень хорош собой. Мягкие черты лица, задумчивые карие глаза, тонкий нос с небольшой горбинкой, светлая кожа — Штольц был похож на ангела, какими их рисуют современные подражатели классическим художникам. Дочери Говарда, которых предусмотрительно усадили почти в конце стола, смотрели на Штольца так, словно он был шоколадным тортом.

«Не повезло тебе, парень», — подумал Август, заметив на указательном пальце музыканта тонкое золотое кольцо с маленьким виноградным листком. Виноград был одним из символов королевского дома, и кольцо, должно быть, подарила принцесса Кэтрин, прощаясь с возлюбленным. Интересно, играют ли ей дворцовые музыканты тот грустный ноктюрн? Вспоминает ли она о своей любви или уже утешилась? Наверно, утешилась — в юности любовь долго не живет. Штольц поймал взгляд Августа, доброжелательно улыбнулся, и Августу отчего-то сделалось не по себе, словно музыкант невзначай прикоснулся к нему там, где не имел права касаться.

— Друзья! — Говард поднялся с бокалом из-за стола; стол едва заметно качнулся — гости вовремя успели подхватить свои бокалы и не расплескать вино. — Сегодня у нас праздник. В Эверфорт приехал великий человек, и то, что все мы будем жить с ним вот так, запросто, по соседству — это великая честь. Господин Штольц, — Говард посмотрел на Штольца со смущенной улыбкой и продолжал: — Тут у нас, на севере, народ простой. Если нам что-то нравится, то мы так и говорим, без особенных словес: нам нравится. Ну и если не нравится, тоже говорим как есть, не чинясь. Так вот, мы все вам очень рады. А концерт сегодня... — Говард замялся, подбирая слова. Август знал, что бургомистр готовил речь, но, видно, теперь вся она вылетела у него из головы от волнения. — Ну это что-то потрясающее. Я плакал от счастья, честное слово. Вы всех нас будто в Господни сады подняли.

Кто-то из собравшихся шмыгнул носом от высоких чувств. Август видел, что вся знать Эверфорта растрогана до глубины души. Штольц опустил глаза к тарелке, на его щеках появился румянец. Август заметил на щеке музыканта тонкую припудренную царапину — должно быть, порезался, когда брился.

— Спасибо вам, — сказал он. Голос был мягким, каким-то очень бархатным, ласкающим. Неудивительно, что девушки теряют голову, когда Штольц говорит с ними. — Я действительно тронут, спасибо. Надеюсь, Эверфорт станет для меня настоящим домом.

Жители города не любили долго болтать, когда на тарелках стынет мясо, и начался ужин. Застучали ножи, в бокалы полилось вино. Август резал стейк на полоски и чувствовал, что ему не по себе. Он сам не знал почему — душа была не на месте, что ли.

Да и была ли у него душа? Все эти годы Август был уверен, что душу у него выбили шпицрутенами, таща сквозь строй — а Штольц взял и достал ее своей музыкой, словно жемчужину из раковины, и открыл во всей красоте так, что Август до сих пор не мог опомниться.

Это было непривычным и потому неправильным.

— Почему именно Эверфорт? — поинтересовался Август, когда Штольц обернулся к нему и с мягкой, чуть смущенной улыбкой попросил передать перец. Музыкант пожал плечами.

— А почему бы и нет? — ответил он вопросом на вопрос.

— У вас большой выбор, — сказал Август отчего-то резче, чем собирался. — Это я вынужден тут сидеть и не копошиться, а перед вами лежит весь белый свет. Август Вернон, здешний анатом. К вашим услугам.

Штольц рассмеялся, и на щеках у него проявились ямочки — мягкие, почти женские. Августа что-то ощутимо кольнуло под ребро.

— Надеюсь, что мне не понадобятся ваши услуги, — сказал Штольц. — Ну а что до вашего вопроса, то меня всегда вдохновлял север. Наконец-то я смог приехать сюда и буду рабо-

тать. Согласитесь, здесь очень красиво. Гораздо красивее, чем на юге.

Август понимающе кивнул и опрокинул стопку перцовки. Дьявольщина, да что с ним такое!

Он вдруг обнаружил, что сказал:

— Нет, я терпеть не могу такую музыку.

За столом сразу сделалось как-то очень тихо. Среди высшего общества Эверфорта Август вполне предсказуемо имел репутацию язвительного вольнодумца и говорил все, что было у него на уме: дальше ссылать уже некуда, а единственного анатома на весь регион, который знает свое дело, надо ценить, холить и лелеять. Но вот чтобы так открыто хамить дорогому гостю — такого не ожидали даже от него. Августу показалось, что от удивления люди сделались даже ниже ростом.

Но Штольц только улыбнулся, сразу же сделавшись очень юным и беззащитным, и поинтересовался:

— А почему?

— Дружище, ты бы это... — сказал Говард и замахал рукой слуге, тот сразу же поскакал в сторону Августа с бутылкой хорошего вина, чтоб понадежнее закрыть несносному грубияну рот. — Вот, винца выпей да закуси как следует, чего бог послал. Эрик, вы не обращайтесь внимания, Август у нас человек хороший, душевный, но иногда такое ляпнет, хоть святых выноси. Мы-то уже привыкли, что у него натура такова, ничего не поделаешь. Не со зла же.

И он выразительно посмотрел на Августа — так, словно хотел покрутить пальцем у виска

и искренне поражался такой неслыханной грубости.

— Нет-нет, — улыбка Штольца сделалась еще шире, и он произнес: — Моя музыка и не обязана вам нравиться, Август. Мне просто любопытно.

Август откинулся на спинку стула и промолвил, хмуро чертя вилкой по тарелке среди кусочков стейка:

— Я от нее мягким делаюсь. Мягким, слабым, как устрица без ракушки. Словно вы сняли с меня мое жалкое тряпье и поставили на площади. И я стою, и есть только я и ваша музыка. И не знаю, что будет дальше, и будет ли вообще. Вы обнажили мою душу, а что с ней делать потом, я уже не знаю. И никто не знает.

За столом было тихо-тихо. Потом жена полицмейстера сказала:

— Я-то думала, Август, вы обидеть хотели. А вы похвалили, да еще и как похвалили.

Август мрачно посмотрел в ее сторону и ничего не ответил. Штолец дотронулся до его запястья, и от этого прикосновения у Августа что-то сжалось в животе.

— Вы все правильно поняли, доктор Вернон, — искренне произнес Штолец. — Именно этого я и добивался. Именно об этом и есть моя музыка.

Он помедлил и добавил:

— Спасибо вам.

Август утрюмо покосился на него и промолчал. Говард понял, что скандала, слава богу, не случилось, и энергично замахал слугам. Принесли пе-

ремену блюд, в бокалах бойко и весело зашипело золотое южное вино, зал наполнился разговорами, и застолье потекло по своему привычному руслу: беседы, хмель, звон бокалов и рюмок.

Под сердцем по-прежнему возилась невидимая игла, колола, дергала.

Август не знал, откуда она там взялась.

* * *

Они встретились на следующий день. После торжественного ужина Август вышел на спящую ночную улицу, постоял под фонарем, чувствуя, как на лицо оседают снежинки, и, подумав, отправился в «Зеленый огонек». Тянущее чувство, которое зародилось в груди, следовало вытряхнуть — а умелые руки и гибкие тела продажных красавиц помогли в таком случае лучше всего.

Август провел ночь с Присциллой, самой красивой и популярной работницей в заведении госпожи Аверн, заснул под утро в ее объятиях и, проснувшись, обнаружил, что к нему вернулось привычное язвительное расположение духа и свежесть ума. Он снова был собой, музыка Эрика Штольца больше не имела над ним власти.

— Я тебя видела вчера на концерте, — мурлыкнула Присцилла, томно потягиваясь среди скомканных простыней и глядя, как Август отсчитывает купюры на прикроватный столик. — Штолец прекрасен, правда? Мы все плакали.

— Ты не в том месте открываешь рот, — сообщил Август намного злее, чем собирался.

Присцилла ему нравилась, и он не хотел ей хамить — но вот так получилось, он и сам не понял почему. Но Присцилла перевернулась на живот и посмотрела на него с многообещающей улыбкой.

— Я просто шлюха, Август, — сказала она без следа обиды. — Где скажешь, там и открою.

Пришлось задержаться еще на полчаса и пятнадцать карун, но общение с Присциллой того стоило.

Зимнее утро было свежим, ярким и морозным. Солнечный свет рассыпал бриллиантовые искры по заснеженным крышам домов, воздух пах глинтвейном и свежей выпечкой из соседней пекарни, и Август решил не искать экипаж, а прогуляться до анатомического театра пешком. Торопиться было некуда — в Эверфорте никто не умер, вскрывать было некого, и Август надеялся, что никакой особенной работы у него сегодня не будет.

Он увидел Штольца выходящим из книжного магазина и пожалел, что ему уже некуда свернуть. Август добился нервного равновесия, это обошлось в двести карун за ночь, но сейчас он чувствовал, как все его спокойствие утекает куда-то прочь, уступая место тянущему ощущению за грудиной.

— Здравствуйте, Август! — улыбнулся Штолец так, словно Август был его лучшим другом, которого невероятно радостно встретить. Он был таким же, как и вчера: добродушным, легким, таким, словно земное притяжение на него не действует.

И держался так же, как и вчера, — спокойно и дружелюбно. «Конечно, ему ведь надо завести друзей на новом месте», — подумал Август и ответил:

— Здравствуйте, Эрик. Ранняя вы птаха, как я погляжу.

Штольц кивнул, и они неторопливо побрели в сторону площади святого Никоса. Темная громада собора сейчас казалась невесомой, почти парящей в морозном воздухе, и в распахнутые настежь двери было видно россыпь огоньков над кандилом. Штольц снял дом на Малой Лесной улице — четверть часа спокойной ходьбы от площади. Августу вдруг захотелось вернуться в «Зеленый огонек», в горячие объятия Присциллы или какой-то из ее товарок, а может, засесть в ближайшем кабачке и напиться до изумления.

Он не знал, что с ним происходит. Это было хуже всего.

— Утром мне лучше работается, — сообщил Штольц. В пакете, который он держал в руках, Август заметил стопку бумаги. — И этот снег, мороз... Вдохновляет!

— Все, как вы ожидали? — спросил Август. Штольц кивнул, и на его губах появилась смущенная, почти девичья улыбка.

— Да. Так, словно север создали по моему заказу. Так, как я и мечтал.

— Достаточно творческая точка зрения. И романтическая, — усмехнулся Август. Две девицы в шубках и теплых клетчатых юбках, шагавшие по другой стороне улицы, узнали Штольца и замерли, как зачарованные, глядя ему вслед с та-

ким глубоким, почти религиозным восторгом, что становилось не по себе. «Явно хорошо воспитаны, — подумал Август. — Медведицы Говарда бросились бы на шею».

Некоторое время они шли молча, а затем Август все-таки не вытерпел и достаточно бесцеремонно поинтересовался:

— Так что же все-таки случилось с вашей сестрой?

Штольц посмотрел на него так, словно Август его ударил. На мгновение ему сделалось стыдно — словно он обидел ребенка, жестоко посмеявшись над тем, что было для него важно.

— А, вы знаете, — вздохнул Штольц, и его лицо на мгновение сделалось усталым и постаревшим. Август кивнул.

— Профессиональный интерес, видите ли. «Ежедневное зеркало» писало об этом, и мне стало любопытно, что же творится в голове у девушки, когда она рубит родителей на части.

Штольц нахмурился, как-то сразу же став похожим на тень самого себя. Август понял, что причинил ему сильную боль, и вдруг ему стало хорошо — так, будто он поступил очень правильно.

— Я ее почти не знал, — негромко ответил Штольц, не глядя в сторону Августа. В голосе появились жесткие неприятные нотки. — Мы воспитывались раздельно, я много лет провел в монастыре. Так что я не могу сказать, что творилось у нее в голове.

— Как это вас занесло в монастырь? — удивился Август. Гениальный композитор был не так-

то прост. Август чувствовал, что в его прошлом скрывается много темных тайн, и им вдруг овладело жгучее желание разгадать их.

— Сначала я был болен, — уклончиво ответил Штольц. — Потом изучал церковную музыку и писал свою. Потом вернулся, начал выступать с концертами. Сказать по правде, я почти не знал свою сестру.

Август усмехнулся.

— Как-то скучно в вашей семье с именами, честно говоря, — заметил он. Ему все больше и больше хотелось хамить, он и сам не мог понять, отчего. Что-то постоянно подзуживало его. Но Штольц лишь пожал плечами.

— Мы близнецы, — ответил он. — Только и всего. Близнецов часто так называют.

Они перешли к парку и побрели вдоль черной решетки ограды. Деревья, надевшие пушистые снежные шапки, казались призраками. Все было каким-то ненастоящим, сказочным, словно музыка Штольца вчера в самом деле открыла двери в какую-то другую, таинственную страну и затянула туда весь Эверфорт.

— Она ведь тоже музицировала? — полюбопытствовал Август. — В газетах писали об этом.

— Да, ее импровизации были хороши, — ответил Штольц. — Всех детей учат музыке в детстве. Вас наверняка учили.

— Учили, — кивнул Август. — Но я уже все забыл.

От музыки у него остались лишь воспоминания о классе, залитом солнечным светом, и стро-

гой наставнице с высокой напудренной прической, которая недовольно поджимала губы и с оттяжкой ударила Августа линейкой по пальцам, когда он ошибался. Полюбить музыку в таких условиях означало быть мазохистом.

— Родители не хотели, чтобы Эрика играла, — сказал Штольц. — Девушке надо выходить замуж, а не тратить время на пустяки. Сейчас я бы велел им оставить ее в покое и дать играть.

— Но тогда?..

— Тогда я был с Кэт, — признался Штольц и едва заметно улыбнулся, словно воспоминание о принцессе согрело его. — Ее высочеством Кэтрин. И мне ни до чего не было дела.

Август понимающе кивнул. У Штольца был в разгаре роман с принцессой, и он не видел ничего, кроме любимой девушки и своей музыки. А его сестра в итоге не вытерпела постоянных нравоучений и избавилась от надоедливых родителей.

Он вдруг заметил, что Штольц еле идет. Из него словно вынули стержень, который поддерживал и не давал упасть.

— Где вы были, когда все случилось? — спросил Август, невольно задавшись вопросом, почему Штольц вообще продолжает с ним говорить. За время их прогулки Август успел наговорить столько вещей, что заслужил вызов на дуэль или хороший удар по физиономии. Однако же Штольц отвечал на его вопросы и не говорил, что господин анатом сует нос не в свое дело.

Странный. Должно быть, ему действительно важна только музыка, а не все копошения в земной грязи.

— С Кэт, конечно, — улыбнулся Штольц. — Я обо всем узнал только утром. Потом был скандал, пресса на меня бросалась. Преступление обсасывали в газетах, я избегал их... — он дотронулся до лица, словно хотел закрыться от Августа, и опустил руку. — Вы спросили, что случилось с Эрикой, так вот, она умерла. Ее больше нет. Труп выловили рыбаки в Среднеземельном море, я сам опознал ее.

Они вышли на Малую Лесную и остановились возле изящного, недавно отреставрированного особняка, который Штольц снял неделю назад через посредника. Дом был очень старым, еще прошлого века, и Август готов был поклясться, что там обитают привидения. Впрочем, музыка Штольца наверняка прогонит их.

Августу вдруг стало стыдно. Он редко испытывал стыд, но сейчас его по-настоящему обожгло.

— Должно быть, вы тяжело переживали ее смерть, — произнес он. Штольц кивнул.

— У близнецов особенная связь. Я почувствовал, когда она разрушилась, — ответил он и дотронулся до груди. — Что-то словно лопнуло вот здесь. Так что Эрики больше нет, можете поверить моим глазам и рукам. Я утолил ваше любопытство, доктор Вернон?

Август кивнул.

— Простите меня, Эрик, — искренне сказал он. — Я, конечно, та еще дрянь, но сейчас мне

действительно стыдно. Я залез туда, куда не имел права лезть.

Штольц посмотрел ему в лицо, и Август неожиданно замер, словно его снова вытянули спицрутеном по голой спине — настолько тяжелым и пронизывающим был этот взгляд. Сейчас карие глаза музыканта смотрели в душу Августа, в те запечатанные памятью глубины, куда не заглядывал он сам.

Это было смертной мукой. И в то же время — очищением и освобождением. Это было больно и сладко.

— Вы не дрянь, — негромко произнес Штольц. — Вы просто стараетесь быть дрянью, чтоб никто не понял, насколько вам больно. Насколько тяжко ваше увечье и как мучительно болит спина в дождь и метель. А в душе еще больнее. Но вы не дрянь и не циник, Август. Это не так.

Некоторое время они молчали. В голове Августа царил вязкая пустота, и он барахтался в ней, словно муха, которая угодила в янтарную смолу.

— Вы маг? — спросил Август, когда к нему наконец-то вернулся дар речи. — Умеете читать мысли?

Штольц улыбнулся и наконец-то отвел глаза. Август невольно вздохнул с облегчением. К нему вернулись чувства: он услышал, как похрустывает снег под ногами письmonoши на другой стороне улицы, как в морозном воздухе плывет запах апельсиновой туалетной воды от щегольского пальто Штольца, как где-то за домами счастливо вопит ребягня, скатываясь с горки.

Чары ушли. Он ожил.

— Нет, я не маг, — ответил Штольц. — Я просто умею наводить справки о людях. Доктор Август Вернон, участник мятежа в Левенфосском порту, единственный, кто выжил после наказания шпицрутенами. Вечная ссылка на север без права помилования и обжалования. — Он сделал паузу и добавил: — Извините, что не приглашаю, хотел до обеда плотно поработать.

Август смог лишь кивнуть.

— Еще раз простите меня, Эрик, — сказал он. — Вы правы, мне следует вести себя иначе.

Штольц вновь одарил Августа мягкой улыбкой и дружески дотронулся до его локтя, словно желал подбодрить.

— Ведите себя так, как вам удобно, это будет правильным. Если при этом не забудете о других, то так будет еще лучше.

— Постараюсь, — вздохнул Август и совершенно неожиданно для себя предложил: — Если хотите, приходите сегодня вечером в «Пафнутий». Угощу вас глинтвейном.

Штольц кивнул.

— «Пафнутий». Хорошо. Давайте в восемь, я как раз закончу работу.

Через четверть часа, когда Август уже подходил к анатомическому театру, ему вдруг стало ясно, на что похоже то неловкое и болезненное чувство, которое пронзало его при появлении Штольца. Он вошел в просторный, слабо освещенный холл анатомического театра и, сняв

шляпу, запустил руку в волосы и дернул несколько раз, пытаясь опомниться.

— Нет, — сказал Август и, закрыв глаза, какое-то время стоял просто так. — Нет, это невозможно.

Со второго этажа свесилась растрепанная голова Атанатиуса, одного из трех санитаров.

— Доктор Вернон! — окликнул он. — Работы нету, может, мы по домам двинем?

Август неожиданно ощутил такой прилив злости, что потемнело в глазах.

— Я тебе сейчас в рожу двину, пьянь! — заорал он и начал подниматься по лестнице, намереваясь воплотить угрозу в жизнь. Санитар бросился прочь по коридору, только пятки засверкали. — Вторая лаборантская для кого который месяц неразобранная стоит?

* * *

— Чем он был болен, что лечился в монастыре? — спросил полковник Геварра, надевая тонкие белые перчатки. Лучи рассветного солнца весело играли на кокарде его фуражки. — Скорее всего, одержимость. Как правило, одержимые маги не могут контролировать магию: с ней справляются только святые стены. Так что родители отправили его с глаз долой и думать забыли.

Где-то слева тоскливо заныла флейта, оплакивая участь Августа и его товарищей. Барабанщики вскинули палочки. Солдаты, к ружьям которых Августа привязали за руки, готовы были сделать первый шаг.

Сонное утро было красивым. Ветер ласково гладил кожу. В такое утро просто обидно умирать.

— Что, сволочь каторжная? — ухмыльнулся Геварра. Половина его лица сгнила и потемнела — полковник умер восемь месяцев назад и теперь почему-то решил заявиться в сон Августа. Визг флейты поднялся до немыслимых высот. — На священные основы государства покусился?

Август сплюнул себе под ноги, в истоптанный грязный песок, и ответил:

— Да шел бы ты на хрен, псина.

Первый удар обжег спину, взорвался болью по всему позвоночнику, и Августа дернули вперед. Он стиснул зубы и пошел за солдатами.

Вдалеке тоскливо заскулили флейты.

— Доктор Вернон, а доктор Вернон?

Август открыл глаза. От сна в неудобной позе все тело затекло — он уснул, уткнувшись лицом в анатомический справочник. Зачем его открыл — уже не вспомнить. Атанатиус, стоявший в дверях кабинета, смотрел с хмурой обидой: дескать, нам работы задал выше неба, а сам дрыхнет тут, дома ему не спится, как всем нормальным людям.

За окнами серели сумерки. День прошел, а Август не заметил.

— Мы все разобрали, — сообщил Атанатиус и, не обинуясь, поскреб задницу пятерней. — Теперь-то можно домой?

— Вали, — проронил Август и, потянувшись, принялся массировать шею с болезненной гри-

масой. — Давно бы так, а то без пинка не пошевелитесь. Как дети малые, честное слово.

— Ага, — буркнул Атанатиус и убрался прочь. Из коридора слышались шаги и бормотание: Августу желали всего наилучшего, в частности, провалиться под лед, а потом потеряться в лесу с медведями.

Народная фантазия не имела границ.

Август вышел из-за стола, подошел к окну. Эверфорт кутался в сумерки, словно в теплое одеяло. Фонарики уже зажигали огни, по улице шли гуляющие, вдали проехал экипаж Говарда — бургомистр закончил работу и отправился к кому-то из приятелей. Август подумал, что в «Пафнутии» уже собирается народ — тот, который потом отправится в «Зеленый огонек», если жены по пути не перехватят. Все было как всегда, в этом захолустье ничего не меняется и никогда не изменится.

Это было настолько тоскливо, что Августу в очередной раз захотелось напиться — так, чтобы на ногах не стоять и чтобы Атанатиус с товарищами нес его в экипаж до дома, а сам приговаривал: вот, доктор-то, гоняет нашего брата, а сам нажрался как свинья. Начальству-то все можно. А товарищи степенно отвечали бы: сам ты свинья, ничего не понимаешь, только хрюкаешь, а доктор за народное счастье кровь проливал, теперь имеет право хоть все Ледовитое море выпить, а от нас ему только уважение. А Август бы орал во всю глотку, что кругом сволочи и непромытые селюки, хоть бы кто стакан поднес от своего уважения.

Август отошел от окна и, прищурившись, посмотрел на часы. Четверть пятого. Если к пяти он доберется до «Пафнутия», то к восьми, когда там появится Штольц, уже дойдет до той кондиции, в которой на него не подействует никакая магия — даже та, которая наполняет музыку Штольца и весь мир, когда он рядом.

Мертвая сволочь Геварра был прав. Священники в монастырях отчитывают сумасшедших — это единственная болезнь, которую лечат в святых стенах уже много веков. Якобы магия слова божьего способна обуздать безумие — Август, конечно, в это не верил, но душевнобольных до сих пор привозили в монастыри и оставляли на попечение святых отцов. Юный Штольц был магом, не способным контролировать свое безумие, медицина оказалась бессильна, но в монастыре с ним все-таки сумели справиться. И безумие вылилось в музыку — великую, непостижимую, могущественную. Музыку, которая бросила под ноги Штольца весь мир.

Вздыхнув, Август стал одеваться.

Несмотря на раннее время, в кабаке уже было полно народу, дым от сигар и трубок стелился по заведению сизыми тяжелыми полотнами, а официантки сбились с ног, разнося тяжеленные кружки темного пива и немудреную, но очень сытную закуску. Август поздоровался с хозяином заведения и прошел в малый зал, для особых гостей. Здесь было не так накурено, и занят лишь один столик: главный редактор единственной местной газеты, Берг Авьяна, дремал над стопкой

сливовицы и мясным рагу. Судя по цвету редакторского лица, это была уже десятая стопка.

За окнами было уже совсем темно. Вот и еще один день, и завтра будет то же самое, и скука, которая обнимает Эверфорт, никогда не развеется. В семействах будут подрастать дочери и сыночки, похожие на медведей, люди станут напиваться на их свадьбах, а потом на детских именинах, и всем им будет невыразимо скучно жить. Август сунул руку в карман, вынул серебряную каруну и подумал, что готов поставить ее на то, что через год Штольц уедет отсюда — или сопьется. Сова на аверсе подмигнула ему: сопьется, это точно. Никаких сомнений. Особенно если вы с ним станете přátельствовать.

От этой мысли Августу снова сделалось не по себе.

Официантка принесла кружку пива и стопку водки: в «Пафнутии» знали привычки Августа. Он попросил газету, и в этот миг в большом зале заорали, затопали, захлопали в ладоши. Август покосился на часы — четверть шестого. Штольц решил прийти пораньше. Только его могли приветствовать настолько энергично.

Это действительно оказался Штольц. Хозяин кабака провел его в малый зал, чуть ли не в ноги кланяясь от такой великой чести. Официантки, которые тотчас же поволокли пиво и поднос с вепревым коленом, только с огня, будто бы невзначай поводили плечами, демонстрируя внушительную грудь в тугом белом плену рубашек. Известное дело, знаменитость! Как

влюбится! Да как потом увезет в столицу! Выкусите, куры!

— Вы рано, — заметил Август, вдруг поймав себя на том, что в груди сделалось тепло. Штольц лишь рукой махнул — сев за стол, он придвинул к себе кружку и ответил:

— Сделал все, что запланировал, решил не сидеть дома в одиночку. Что это, свинина?

— Свинина, — кивнул Август и отрезал себе знатный ломоть смуглой рульки. — Только не говорите, что вы вегетарианец.

Штольц удивленно посмотрел в его сторону, будто Август сморозил невероятную глупость.

— Вегетарианец? Нет! С чего бы это вдруг?

— Это очень модно в высшем свете, — ответил Август. — Полковник Геварра, один мой знакомый, был вегетарианцем. С тех пор я их на дух не переношу. Как вижу вегетарианца, так начинается аллергия.

Штольц рассмеялся.

— О, Геварра! — воскликнул он. — Знаете, как о нем говорят? Ему не нужно мясо ягненка, ему вполне хватает человеческой крови. Старинный приятель моего отца. — Он сделал глоток пива и продолжил: — Эрику хотели отдать за него за муж.

Как тесен мир! Август ухмыльнулся. Не повезло бы Эрике, мягко скажем. Тиран и садист в качестве мужа — невелико счастье. Особенно такой тупой тиран и садист, как Геварра.

— Тогда у нее была бы другая музыка, — заметил Август. — Флейты и барабаны на плацу.

— Тогда она навсегда забыла бы о музыке, — холодно поправил его Штольц. — Насколько я знаю, первая жена Геварры снимала с него сапоги, собственноручно стирала белье и поднималась в пять утра, чтоб подать кофе в постель. Если не успевала, то кофейник и чашка летели ей в голову. Девушка из благородной семьи, которой отвели роль черной рабыни с юга. Будет тут время для музыки, как считаете?

А Эрика хотела импровизировать на рояле, а не разувать истязателя и не уворачиваться от потока горячего кофе в лицо. Вряд ли он забыл бы в супружеской спальне о своей любви к плетям, вряд ли красота, невинность и талант юной жены тронули бы его душу. Эрика сопротивлялась — но родители приказывали ей смириться, забыть про музыку и быть послушной дочерью и хорошей женой. Кажется, Август стал понимать, что было у нее в сердце, когда она взялась за нож.

— Когда меня вели сквозь строй, — задумчиво сказал Август, проводя пальцем по краю стакана, — Геварра шел рядом и смотрел, чтоб солдатики били в полную силу. Не дай бог было ударить не так сильно, как он хотел! И вот Геварра шел и приговаривал: «Что, сукин сын, против государя пошел»?

Штольц нахмурился. В его взгляде теперь было сочувствие и искреннее тепло.

— А вы? — спросил он. Август усмехнулся.

— А я ему: «Да шел бы ты на хрен, псина!» — ответил он и расхохотался. — Так и шагали па-

рочкой, жаль, что не под ручку. Так я ему и отвечал, пока еще был способен отвечать. А потом меня просто тащили, а он так и шел. И глаз оторвать не мог, мне потом рассказывали.

Ему вдруг сделалось спокойно и тепло, словно чья-то невидимая рука вытащила занозу из загноившейся раны. Август откинулся на спинку стула и признался:

— Вы мне нравитесь, Эрик. Вот честное слово, нравитесь. Думал ли я, что с кем-то буду говорить про Геварру!

В карих глазах музыканта появились золотистые искры — мелькнули и исчезли. Вряд ли Штольц испытывал какие-то теплые чувства к несостоявшемуся мужу своей несчастной сестры. Он поднял стопку перцовки и произнес:

— Тогда за Геварру, земля ему терновником!

Август вздохнул и едва слышно откликнулся:

— За Геварру.

Но выпить они не успели. Откуда-то с улицы донесся истошный женский визг, и почти сразу же к нему добавился истерический мужской вопль:

— Полиция! Полиция!

— На помощь! Убивают! Батюшки, Господи, что ж это делается-то! — заголосила вторая баба. Август быстро поднялся из-за стола и, накинув пальто, сказал, обернувшись к Штольцу:

— Эрик, вам лучше остаться здесь.

Он почему-то был уверен, что на улице свежий труп — а раз так, то Штольцу лучше на него не смотреть и не лишаться чувств. У него слиш-

ком тонкая натура, чтобы рассматривать мертвецов. Однако Штольц тоже встал и решительно ответил:

— Вот уж нет. Я с вами.

Август скептически хмыкнул.

— Только в обморок не падайте, сделайте мне одолжение, — недовольно сказал он. Штольц одарил его неприятным острым взглядом из-под пушистых ресниц, но ничего не ответил.

На улице действительно был труп — женщина с раскинутыми ногами и руками лежала в проулке за «Пафнутием», и в темноте Августу показалось, что у нее изуродовано лицо. Он растолкал зевак, присел над покойницей и понял, что это всего лишь растрепанная роза, которую убийца вложил ей в рот.

В проулке царил резкий тошнотворный запах — тот, который остается после боевых артефактов. Кровь покойницы, вытекавшая из ушей, впитывалась в снег. Август заглянул ей в лицо — да, молодая и хорошенькая. Кажется, он видел ее в «Зеленом огоньке». Жаль.

Но убивать проститутку боевым артефактом? Кому придет в голову подобная глупость?

— Так, а ну пошли отсюда! — рыкнул Август на собравшихся. — Бегом марш!

Народ проникся — вскоре в проулке остались только Август и Штольц. Где-то далеко визжал полицейский свисток: стражи порядка спешили к покойнице.

— Как вы, Эрик, держитесь? — поинтересовался Август, не глядя в сторону своего неожиданно-

го напарника. Штольц присел на корточках рядом с трупом и сказал:

— Я имел дело с мертвецами. Не раз и не два. Вот, посмотрите-ка, — он указал на ухо убитой. — Обгорело. Это Гвоздика, взрывной артефакт. Выжигает мозг, полностью.

Август удивленно посмотрел сперва на Штольца, а затем на проститутку. Действительно, правое ухо потемнело. Гвоздика, верно — именно она так бьет. Год назад Говард отправлял силы полиции на курсы повышения квалификации, ну и Август заодно съездил, узнал много нового об артефактах. Спасибо Говарду, выписал разрешение покинуть Эверфорт.

— Вы меня удивляете, Эрик, — признался Август. — И с каждым разом все больше и больше. Откуда композитору знать об артефактах? Тем более взрывных?

В проулок наконец-то вбежали полицейские, Мавгалли и Фирмен. Насколько помнил Август, сегодня они дежурили у банка — там рядом был небольшой винный погребок, и, судя по румяным физиономиям стражей порядка, дежурство шло как раз возле бочек с красным сухим. Ну а что, место важное, нуждается в регулярной охране.

— Женщина, от двадцати до двадцати двух, убита направленным воздействием взрывного артефакта Гвоздика, — отчеканил Август, выпрямившись. — Везите в анатомический театр, скажу точнее.

Фирмен покачнулся и стал заваливаться в сугроб. «Чудны дела твои, Господи, — подумал Ав-

густ. — Музыкант смотрит на труп и бровью не ведет. А полицейский уже в обмороке».

— Максим, — устало сказал он, посмотрев на Мавгалли, которого тоже изрядно повело в сторону сугроба. — Ну вы-то возьмите себя в руки! Кисейные барышни, а не полиция, смотреть противно! Везите даму уже — она готова и ждет с нетерпением.

Мавгалли кивнул и, дернув Фирмена из сугроба за ворот пальто, пошагал к покойнице. Август обернулся: Штольц стоял возле трупа с таким видом, словно всю жизнь только тем и занимался, что возился с мертвяками.

— Эрик, — окликнул Август. Штольц обернулся, и он заметил пятна энергичного румянца на лице музыканта. — Вы со мной?

* * *

Вскрытие и возня с телом затянулись до полуночи. Женщину звали Лавин, она носила прозвище Подснежник, работала в «Зеленом огоньке», и Августу пришлось выслушивать горестные стенания и вопли госпожи Аверн, которая прибежала в анатомический театр сразу же, как только услышала об убийстве.

«Позор, пятно на репутации, уменьшение клиентского потока, — цинично подумал Август, глядя, как Мавгалли выводит зарезанную хозяйку бардака. — Я бы на ее месте еще не так орал».

Полицейские, которые столпились в зале для вскрытия, выглядели так, что Август пожалел

о том, что не имеет у себя запасов нюхательной соли — стражей порядка следовало приводить в чувство. Хорошо, что он успел закончить с аутопсией — иначе все господа в мундирах валялись бы по углам без сознания.

Он мог их понять. В тихом Эверфорте не было убийств уже много лет, народ умирал естественной и приличной смертью, и никому не выжигали мозги боевыми артефактами.

— Итак, господа, — менторским тоном начал Август, стоя возле стола с покойницей. — Убитая — Лавин Подснежник, мы все знали ее с самых лучших сторон. Время смерти — четверть шестого. Убита боевым артефактом Гвоздика, помните, что это такое?

Полицейские дружно закивали. Август заметил, что один из них, вечно угрюмый Краунч, тайком провел рукой по лицу, словно стирал слезы. Похоже, был постоянным и уважаемым посетителем покойной Лавин и искренне горевал от такой потери. Тем временем начальник полицейского управления Макс Кверен заглянул за спины младших по званию и растерянно проговорил:

— Доктор Вернон, а это, простите, как же?.. Господин Штольц, а вы-то что тут делаете?

Полицейские расступились — Штольц скромно сидел в уголке, держал на коленях стопку поспешно разлинованной бумаги и, судя по всему, сочинял музыку. Карандаш вдохновенно порхал в его пальцах, и Августу казалось, что в зале становится светлее.

— Ассистирует, — ответил Август. — И в отличие от ваших бравых подчиненных, Макс, держится на ногах и не падает от избытка чувств.

Он и сам удивлялся тому, насколько спокойным оставался Штольц во время работы Августа с телом. Стоял в благоразумном отдалении, задавал нужные вопросы и держался очень свободно.

— Где же это вы успели настолько привыкнуть к мертвецам? — полюбопытствовал Август. Штольц улыбнулся своей привычной обезоруживающей улыбкой и ответил:

— Готовил мертвых к погребению. Я жил в монастыре, а там просто так кормить не будут, сами понимаете. Это было частью моей работы.

И теперь полицейские смотрели на Штольца с таким удивленным уважением, что он смутился и негромко произнес:

— Я не помешаю вам, господин Кверен, вы не беспокойтесь.

Кверен только руками развел.

— Удивительно, правда, — признался он. Август решил не акцентировать внимание на своем неожиданном помощнике и сказал:

— Гвоздика превратила мозг нашего драгоценного Подснежника в пепел. Это все, что я могу вам о ней рассказать. Смерть мучительная, но почти мгновенная. Остальное выяснять уже вам.

— Ваше благородие, — едва слышно пискнул офицер Роджер, самый низкорослый из всех. Лицо его обрело землистый оттенок, офицер с трудом сдерживал тошноту. — Кому ж понадобилось шлюху убивать, да еще Гвоздикой?

Это был вполне разумный вопрос. Никто из местных не поднял бы руку на работницу госпожи Аверн — в этих краях проститутки были товаром редким и невосполнимым. Макс нахмурился, и Август заметил, что он даже осунулся от растерянности и страха. Да, искать убийцу — задача трудная, это тебе не по кабакам гулять.

Впрочем, что его обвинять? Полиции Эверфорта уже много лет не приходилось расследовать убийства, тем более настолько странные.

— Поди знай, — мрачно откликнулся Макс. — Но дрянь залетная, это как раз ясно. Причем такая, что не оставляет следов.

Август понимающе кивнул. Снежок в проулке сохранил лишь отпечатки модных сапожек Подснежника — она шла на работу в бордель и свернула короткой дорогой.

«Пошла в последний путь», — подумал Август. Штольц покосился на него и вдруг нахмурился, словно смог прочесть его мысли, и эта грубая шутка ему не понравилась.

— И еще цветок этот, — продолжал Макс. — Я читал в одном журнале, что такое делают только маниаки. Помечают свою жертву. Печать поставил, гадина такая. Значит, это не спонтанный взрыв ярости, он готовился убивать, если купил цветок — они просто так среди зимы не растут.

— В мифологии роза во рту означает немоту, — внезапно подал голос Штольц. Полицейские дружно обернулись к нему, и Август заметил, что весь лист на коленях композитора уже покрыт значками нот и какими-то дугами. — Возможно,

эта Подснежник была свидетелем преступления, и преступник убил ее так, чтобы даже мертвая она никому ничего не смогла рассказать. И положил розу в рот в знак ее вечной немоты.

Августу показалось, что он слышит громкий шлепок — пощечину, которую великий музыкант залепил всему полицейскому управлению Эверфорта. Немая сцена, возникшая в зале для вскрытия, была трагической и глубокой, хоть сейчас на сцену. Полицейские замерли с открытыми ртами и не собирались их закрывать.

— П-простите, господин Штольц, — Макс ожил первым, как и полагается начальнику, но от волнения даже стал заикаться. — Она же покойница! Она все равно не заговорит, раз уже мертвая!

Штольц кивнул и постучал себя по левому виску.

— Мозг, — ответил он. — Современные артефакты позволяют считывать информацию с мозга в первые часы после смерти. Она могла бы называть убийцу.

Тишина стала еще глубже — теперь в ней было что-то настолько благоговейное и торжественное, что у Августа даже засвербело в носу. Настолько глубоко на курсах повышения квалификации не копали.

— Господь с вами, — промолвил Мавгалли, который до сих пор держался так, чтобы не смотреть на бледное тело Лавин, казалось, вылепленное из воска. — Мы же городишко в глуши, у нас в отделении таких артефактов сроду не было. Стоял инквизиторский участок, так его три года

назад закрыли за ненадобностью. У них, конечно, водились артефакты, ну их и увезли в столицу по протоколу.

Штольц пожал плечами.

— А ему-то откуда знать, что у вас есть, а чего нет? — спросил он. — Сыграл на опережение.

Август подумал, что Макса, пожалуй, можно снимать с его места и ставить туда Эрика Штольца. Хуже не будет. Талантливые люди талантливы во всем, за что берутся.

— Понятно, — Макс сделался еще мрачнее. Обернувшись к полицейским, он некоторое время помолчал, а затем произнес: — Пока по домам, орлы. Будем думать. Господину Штольцу я вынесу особую благодарность от нашего отделения за неоценимую помощь в расследовании.

На том все и закончилось.

Когда из зала для вскрытия вышел последний полицейский, шмыгая носом и утирая глаза, то в двери сунулась такая рожа, что Август невольно дернул рукой в направлении открытого ящичка с инструментами для вскрытия. Рожа была носатая, небритая, из-под угрюмо сдвинутых бровей посверкивали бледно-голубые глаза, по скуле тянулась свежая царапина, а обрамляли все это великолепие волнистые темные волосы до плеч, не знавшие, что такое рука парикмахера и шампунь. Весь вид незнакомца говорил о том, что он с ранних лет гулял по тюрьмам да ссылкам, попутно водя близкое знакомство с водочкой. Август намерился сообщить пришельцу, что кабак находится дальше по улице, и посоветовать

валить отсюда подобру-поздорову, как вдруг Штольц удивил его еще раз, радостно улыбнувшись и помахав рукой незваному гостю.

— Я здесь, Жан-Клод! — звонко сказал он. — Не волнуйся!

Жан-Клод вошел в зал и с искренней заботой осведомился:

— Милорд, все в порядке? Я беспокоился.

В отличие от бандитской физиономии голос у этого Жан-Клода был очень приятным — интеллигентным, бархатным, как у столичных актеров старой школы, и без следа ожидаемой хриплой пропитости. Сейчас, выйдя на свет, он производил не такое неприятное впечатление, как из тени: темное пальто было пусть и не слишком новым, но подчеркнуто опрятным, а шейный платок и воротничок рубашки были белоснежными.

— Тебе не о чем было переживать, — улыбнулся Штольц и сказал: — Знакомьтесь! Это Жан-Клод Моро, мой слуга и верный помощник. Это Август Вернон, здешний анатом.

Ничего себе слуга! Август к такому верному помощнику никогда бы не поворачивался спиной. Зато Штольц выглядел вполне непринужденно. Моро прошел к нему, с осторожной почтительностью принял исписанный нотами листок и слегка дрогнувшим голосом сообщил:

— Не самое лучшее место для ноктюрна, милорд.

Штольц внезапно сделался очень серьезным и указал на стол с покойницей так, словно именно он, а не Август, был здесь хозяином.

— Взгляни, Жан-Клод, что тут у нас.

Моро покосился в сторону Подснежника и со знанием дела ответил:

— Гвоздика и роза. Вижу по уху и царапинам возле рта.

Август, который неожиданно почувствовал себя лишним в собственных владениях, поинтересовался:

— Ваш слуга разбирается в артефактах?

— Ага, разбирается, — бросил Моро, покосившись на него, и вдруг его ноздри дрогнули, словно он к чему-то принюхивался. Августу сделалось не по себе. Очень сильно не по себе. Глубокая ночь, зал для вскрытия с мертвой проституткой на столе, и тут еще этот тип совершенно преступной наружности.

Однако Моро ничего больше не сделал — просто прижал листок с нотами к груди с таким трепетом, словно это было долгожданное письмо от возлюбленной, и произнес:

— Если что, я внизу, милорд.

— Можешь идти домой, Жан-Клод, — махнул рукой Штольц и, когда слуга вышел из зала, произнес, чуть ли не извиняясь: — Он производит неприятное впечатление, я понимаю. Но он хороший человек, можете мне поверить.

Август пожал плечами и ответил:

— Мне-то что? Это вы с ним живете под одной крышей. — Помедлив, он добавил: — Странно, конечно, что вы настолько хорошо разбираетесь в артефактах и маниаках. И слуга у вас тоже странный.

Штольц ободряюще улыбнулся, а потом поднялся с табурета и неожиданно погладил Августа по плечу. Это было настолько неожиданно, что Август вздрогнул всем телом, словно Штольц его ударил.

— Я очень многое узнал в монастыре, — ответил Штольц и вдруг произнес: — Не стоит за меня волноваться, Август. Все будет хорошо.

— Я и не волнуюсь, — сказал Август, вдруг обнаружив в своем голосе какие-то незнакомые нотки. Он и правда был взволнован и растерян — все, что случилось этим вечером, было слишком неожиданно и непонятно. — Просто думаю, кому понадобилось убивать проститутку боевым артефактом.

— Мы это обязательно выясним, Август. Доброй ночи, — сказал Штольц и пошел к дверям.

— Доброй ночи, — откликнулся Август. Почему-то ему показалось, что Штольц его не услышал. Он выскользнул во мрак коридора, и до Августа донеслись бойкие шаги по лестнице, а потом голоса: Штольц о чем-то заговорил с Моро.

Потом хлопнули входные двери, и анатомический театр погрузился в тишину.

Глава 2

ЭРИКА

Самым сложным было привыкнуть к тому, что в зеркале теперь отражалось другое лицо. То лицо, которое могло бы принадлежать брату Эрики, если бы у нее были братья. Она узнавала в отражении знакомые черты, она видела себя — и в то же время это был чужак.

Она не лукавила, рассказывая доктору Вернону о том, что готовила мертвых к погребению, когда жила в монастыре. Сейчас, наконец-то готовясь ко сну, Эрика вспоминала о том, как родители выслали ее в обитель, надеясь, что посты и молитвы усмирят их строптивую дочь и сделают ее такой, какой и полагаются быть юной леди из старинной семьи — тихой, скромной и послушной воле родителей и супруга.

Но в монастыре музыка, которая с раннего детства прорастала из глубин души Эрики, зазвучала еще сильнее — так, что ее уже никто не смог бы остановить.

В дверь осторожно постучали, и Эрика услышала голос Моро:

— Милорд? Разрешите войти?

— Да, Жан-Клод, входи, — ответила Эрика, устало усаживаясь на кровать. День был долгий, и она хотела бы лечь и заснуть на пару суток.

Моро вошел в комнату — если обычно у него был такой вид, словно он хранил какой-то очень страшный и темный секрет, то сейчас слуга выглядел так светло и восторженно, как если бы перед ним открылись небесные врата и дали ему возможность заглянуть в рай. В руках он по-прежнему держал листок, который Эрика исписала в зале для вскрытия.

Она сама удивлялась тому, что вдохновение частенько приходило к ней в самых неожиданных и пугающих местах.

— Простите меня за дерзость, милорд, — промолвил Моро, — но не могли бы вы сыграть мне? Сейчас?

Эрика вздохнула и, устало качнув головой, ответила:

— Да. Но только один раз, я уже хочу спать.

Осунувшееся лицо Моро словно солнцем озарило.

— Благодарю вас, милорд, — горячо прошептал он. — Благодарю!

«Итак, с чего бы начать мою историю? — думала Эрика, усаживаясь за рояль. — Должно быть, с того, что родители все-таки вернули меня из монастыря и сообщили радостную весть, едва не бросаясь в пляс от восторга: полковник Геварра выразил горячее желание взять меня в жены, и они ответили ему согласиём. Пока мой жених на маневрах, я должна привыкнуть к этой мысли,

не срамить родителей и склониться перед тем, с кем буду до гроба».

Геварра делал великое одолжение, взяв в жены практически бесприданницу — пусть семья Штольцев была одной из самых родовитых в Хаоме, отец мог дать за Эрикой какие-то совершенно смешные деньги. Эрика усмехнулась краем рта и опустила руки на клавиши.

Музыка была тихой и неторопливой — таким бывает затяжной осенний дождь над морем, который сыплет и сыплет целыми днями, и мир становится скучным и серым. Облетевшие листья давно превратились в рыжую грязь под ногами, солнце едва поднимается над горизонтом — и путники спешат быстрее пройти по улице и наконец-то укрыться от непогоды. Но все меняется, когда ты заходишь в дом и закрываешь двери! В камине весело потрескивают дрова, по дому плывет аромат сосновой смолы, а на маленькой плитке варится глинтвейн. Палочки корицы, гвоздичные звездочки, солнечно-рыжие апельсиновые дольки — и пусть себе льет этот дождь, ты будешь в тепле и уюте. Хорошо сидеть в кресле, вытянув ноги к огню, и, попивая пряный напиток, мечтать о том, как пойдет снег, а за ним пожалует и Новый год, пахнущий морозом, сеном и елью...

Эрика убрала руки с клавиш, но рояль продолжал звучать: музыка остывала в комнате, и Моро, который, словно верный сторожевой пес, уселся прямо на пол, мечтательно смотрел куда-то мимо рояля и Эрики, и его лицо было восторженным,

светлым и почти юным. Интересно, что ему виделось? Вересковые пустоши Западного побережья, где они провели несколько месяцев после смерти родителей Эрики, или родные края — сухая растрескавшаяся земля под багровым низким небом, о которых он рассказывал однажды?

Эрика не хотела бы спрашивать. Незачем забираться туда, откуда ты не сумеешь вернуться.

— Понравилось? — спросила она, хотя и так видела ответ. Моро кивнул и признался:

— Вы потрясаете меня. В очередной раз потрясаете.

— Вот и хорошо, — ответила Эрика. — Свари мне завтра глинтвейн.

— Разумеется, милорд, — Моро поднялся на ноги с ковра, поклонился и добавил: — И еще надо обновить мое зелье. Знаю, что мерзость, но без него не обойтись.

— Спасибо, Жан-Клод, — улыбнулась Эрика, и Моро вышел.

Конечно, его звали не Жан-Клод — настоящего имени ее слуги не смог бы произнести ни один человек на белом свете. Но именно благодаря ему Эрика могла вести ту жизнь, о которой всегда мечтала.

Если бы не Моро, то у Эрики не было бы музыки. Да и ее самой уже давно бы не было. Жены полковника Геварры долго не живут.

«Итак, продолжим, — подумала она, нырнув наконец-то под одеяло. — Какая сказка без принцессы? Вот и принцесса Кэтрин: мы познакомились с ней на прогулке в Монтонском саду, и ока-

залось, что она уже слышала мои импровизации. Мы и сами не поняли, как стали лучшими подругами — а потом Кэтрин подарила мне Моро».

Вернее, не самого Жан-Клода Моро, верного слугу и фанатичного поклонника музыки Эрика Штольца — сначала это просто была старая серебряная лампа, которую никто не мог открыть, диковинка, которую Кэтрин однажды обнаружила среди рядов маленького рынка антиквариата на окраине столицы. Лампа сама отбросила крышку, когда Эрика села за рояль, чтобы сыграть для Кэтрин очередной ноктюрн.

Кто был Моро? Может, сказочный *джиннус*. А может, демон. Кем бы он ни был, музыка Эрики понравилась ему настолько, что он встал на колени и попросился к ней в слуги — лишь бы слышать то, что она пишет и играет.

Кэтрин, помнится, захлопала в ладоши и воскликнула:

— Боже, как это романтично! Настоящая сказка!

И именно принцессе пришла в голову удивительная мысль — она попросила Моро создать артефакт, который сможет придавать Эрике мужской облик.

— Сами подумайте, — сказала Кэтрин, когда они сидели на ковре в ее комнате, словно заговорщики или дети. — Эрика будет мужчиной. Тогда ей не придется выходить замуж, и она спокойно сможет заниматься музыкой! Она будет давать концерты, ездить с гастрольями, она будет жить так, как захочет! И никто больше не станет ею распоряжаться!

Помнится, Эрика обняла подругу и расплакалась от нахлынувших на нее чувств. Жизнь в родительском доме и монастыре приучила ее к мысли о том, что она может рассчитывать только на себя, и искренняя доброта и любовь принцессы тронули Эрику до глубины души. Моро, который смотрел на нее с тем чувством, которое было намного глубже любого уважения и любой любви, сказал:

— Да, я смогу создать такой артефакт. И буду варить зелье для того, чтоб ваш организм его не отторг. И я буду вам самым верным слугой и защитником. А взамен прошу самую малость. Просто играйте для меня, просто дайте мне слушать вашу музыку.

Так на свет появился Эрик Штольц, и так музыка бросила к его ногам весь мир. Денег, которые Эрика получила за свой первый концерт, хватило для того, чтобы купить хорошую квартиру в центре города и сбежать от родителей. Эрика понятия не имела, как именно они объяснялись с полковником Геваррой — ее больше не интересовали ни родители, ни полковник, ни прежняя жизнь. Она проводила время с Кэтрин, послушно пила отвратительное зелье, которое для нее готовил Моро, и жизнь наконец-то была такой, о какой Эрика всегда мечтала.

Самым сложным было привыкнуть к чужому лицу в зеркале. Но постепенно она справилась и с этим. Какое-то время Моро осторожно брил ее щеки и подбородок, стремительно зараставшие черной щетиной, но вскоре Эрика постигла и эту науку.

«Что еще? Ах да. Я не убивала своих родителей. Я не любила их — сложно любить человека, когда он видит в тебе только предмет для выгодной торговли. Но я никогда бы не убила их».

Тогда она оказалась невероятно глупой — не выпила зелья Моро и сняла его артефакт, приняв свой женский облик. Эрике было стыдно признаваться в этом даже самой себе, но она скучала. Скучала по матери, ее вечным придиркам и капризам, и по отцу, который угрюмо смотрел на нее, всеми силами души сожалея о том, что у него, в благороднейшем и древнейшем семействе Штольцев, родилось такое непокорное и неблагодарное позорище, которое осмеливалось сопротивляться его воле.

Все равно они были ее родителями. И Эрика скучала так, что не могла думать ни о чем другом, кроме их встречи.

Скандал вышел невероятный. Отец хотел отгасить Эрику за волосы и выпороть, чтоб научить уму-разуму — вовремя вмешался подоспевший Моро, который обнаружил, что зелье не выпито, и бросился на поиски хозяйки. Мать демонстративно падала в обморок, а когда приходила в себя, то голосила на весь дом, как какая-нибудь рыночная торговка, что Эрика опозорила их на весь свет, и приказывала немедленно вернуться в семью, просить прощения и умолять полковника Геварру взять ее в жены. Он человек добрый, он смилуется над ней и прикроет ее позор.

Все кончилось тем, что Моро без всякого уважения одарил господина Штольца хорошей плю-

хой, сгреб Эрику в охапку и натурально вытащил на улицу. Она заливалась слезами всю дорогу до квартиры и заснула мертвым сном без сновидений, как только ее голова коснулась подушки.

На следующее утро ее родителей обнаружили убитыми и расчлененными.

Эрика Штолыц была официально объявлена в международный розыск: соседи видели, как она входила в дом, и слышали, какой там был скандал. Кто еще мог совершить преступление, кроме неблагодарной дочери? Едва услышав о том, что случилось в доме Штольцев, принцесса Кэтрин заявила, что музыкант и композитор Эрик Штолыц провел эту ночь в ее покоях — и пощадите честь леди, не спрашивайте о том, чем они занимались. С ее величеством такой номер не прошел: принцессу сразу же осмотрел королевский врач и сообщил, что Кэтрин успела лишиться невинности.

Через час Эрика, которая успела принять мужской облик, стояла перед государыней и говорила:

— Я люблю ее высочество Кэтрин, а она любит меня. Я сочту честью стать ее мужем хоть сейчас.

Королева посмотрела на нее так, словно видела перед собой безумца. Эрика видела свое отражение в высоких зеркалах: решительный молодой человек с взлохмаченными темными волосами казался привидением.

— Вот правду говорят, что все творческие люди форменные сумасшедшие, — наконец сказала она. — Сгинь с глаз моих и больше не смей приближаться к Кэтрин! Это зашло слишком да-

леко, и я не хочу, чтобы зашло еще дальше. Тебе она не ровня, и я надеюсь, ты это понимаешь. И молись, чтобы она не была беременна!

Эрика покосилась в зеркало. Мужчина в отражении кивнул и сказал:

— Я вынужден повиноваться, ваше величество.

Королева горько усмехнулась, покачала головой.

— Твои родители убиты, — напомнила она. — Твоя сестра в бегах. Вот о чем тебе следует беспокоиться.

Эрика почувствовала, как зашипало глаза. Мужчина в зеркале провел ладонью по лицу, и взгляд королевы смягчился.

— Прощай, Эрик, — сказала она, и в ее голосе отчетливо звучала печаль и что-то еще, очень похожее на сожаление. — К Кэтрин не заходи, не велю.

И, поднявшись с трона, королева величаво проплыла по залу и исчезла за высокими дверями. Мужчина в зеркале задумчиво смотрел ей вслед.

В тот же день Эрика отправилась в большие зарубежные гастроли — ее уже несколько месяцев настойчиво приглашали в Анбург и Лекию, обещая невиданные гонорары. Государево предписание, которое ей вручили при выходе из дворца, запрещало возвращаться в Хаому в течение двух лет.

Была ли это ссылка? Бог весть.

А спустя год лекийские рыбаки выловили в Среднеземельном море объединенный рыбами женский труп, в котором великий Эрик Штольц опознал свою сестру. На этом дело было закрыто,